

Хрупкий плюрализм

В Республике Молдова демократия еще не утвердилась в полной мере и политика остается нестабильной, но в последние два десятилетия это государство стало одним из самых плюралистических на территории бывшего Советского Союза | **НИКУ ПОПЕСКУ**

Молдова в определенном смысле являет собой парадокс. Это одно из беднейших государств Европы с очень большой долей сельского населения, к тому же отягощенное проблемой сепаратизма. И тем не менее на данный момент это, пожалуй, самое демократичное (за исключением стран Балтии) государство на всем постсоветском пространстве. В ее пока еще короткой истории Молдове удалось избежать большинства крайностей, проявившихся в других постсоветских государствах. Здесь никогда не было консолидированного авторитарного режима, при котором выборы теряют смысл, как в большинстве других постсоветских стран, и не было «цветной революции», как в Грузии и на Украине. Правда, после всеобщих выборов в апреле 2009 года Молдова неожиданно оказалась на грани спонтанной «цветной революции» с перспективой ее авторитарного подавления. Но в конечном итоге стране удалось избежать и того и другого. Поэтому Молдова может претендовать на то, чтобы считаться единственным постсоветским государством (опять же, за исключением прибалтийских стран), в котором с момента обретения независимости в 1991-м власть менялась только правовым и конституционным способом — по реальным результатам выборов.

Демократия — сложное, многосоставное явление, предполагающее, в частности, существование свободных СМИ и сильных

политических партий, уважение к правам человека, свободные и честные выборы, систему сдержек и противовесов, бюджетную децентрализацию и борьбу с коррупцией. По каким-то из этих показателей у Молдовы дела идут лучше, по каким-то — хуже.

Некоторым критериям Молдова удовлетворяет уже сейчас, но, чтобы стать устойчивой демократией, ей придется преодолеть еще много трудностей. Этот процесс будет по-прежнему идти тяжело, неся с собой большой риск нестабильности. Но не вызывает сомнений, что политическая система Молдовы избежала перерождения в типичную постсоветскую авторитарную систему, и это само по себе достижение. В данной статье автор пытается объяснить этот феномен как бы в два приема, сначала прослеживая историю отнюдь не прямолинейного политического процесса в Республике Молдова, а затем отвечая на вопрос, почему стране удалось сохранить более высокий уровень политического плюрализма, чем многим другим постсоветским государствам.

Передача власти

Власть в Молдове всегда переходила от правительства к оппозиции через электоральный процесс. Все выборы в истории республики в общем и целом выражали волю народа. Да, имели место использование административного ресурса и иногда, возможно, небольшие подтасовки (2–4 проц.),

однако здесь не было массовых фальсификаций, из-за которых во многих постсоветских государствах выборы просто теряли смысл. Первый президент Молдовы Мирча Снегур оставил свой пост после свободных и честных выборов в 1996 году. Второй президент, Петру Лучинский, оставил президентский пост в 2001-м после истечения мандата и не был переизбран. Коммунистическая партия Молдовы после восьми лет пребывания у власти и попыток увековечить свое правление проиграла выборы в июле 2009 года. В результате президент Владимир Воронин в сентябре 2009-го оставил свой пост, после чего обязанности президента временно исполняли два спикера парламента — Михай Гимпу и Мариан Лупу.

Дважды Молдова была на грани срыва в авторитарное правление, но оба раза обошлось. Первый раз, в 1999 году, тогдашний президент Лучинский попытался изменить конституцию и сделать Молдову вместо полупарламентской президентской республикой. Попытка не удалась: парламент переиграл президента и изменил конституцию в противоположном направлении, расширив полномочия парламента. В частности, было зафиксировано, что для избрания президента необходимо набрать как минимум 61 голос (из 101 члена парламента). Этой конституционной реформой объясняются как устойчивость Молдовы к авторитарной консолидации, так и характерная для нее политическая нестабильность. Вторую попытку установления авторитарного режима предприняла коммунистическая партия, которая находилась у власти в 2001–2009 годах.

Коммунисты: несостоявшаяся партия власти

Партия коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) пришла к власти после выборов 2001-го, на которых она набрала 49,9 проц. голосов и получила 71 из 101 места в пар-

ламенте. Этого было достаточно для того, чтобы избрать президента и, если потребуется, изменить конституцию. ПКРМ победила и на выборах в 2005 году, но получила теперь только 46 проц. голосов и 56 депутатских мест, так что на этот раз ей уже не хватило голосов для избрания своего лидера президентом. Коммунисты вынуждены были уговаривать фракции некоторых оппозиционных партий проголосовать за коммунистического кандидата. В конечном итоге ПКРМ пришлось пойти на компромисс и сделать оппозиции ряд очень важных уступок в обмен на поддержку кандидатуры Воронина. В частности, были приняты поправки к закону о СМИ, расширен доступ к общественному телевидению (это коснулось теле- и радиотрансляций заседаний парламента), а государству пришлось отказаться от двух государственных газет «*Moldova Suverana*» и «Независимая Молдова» (эквивалент «Российской газеты» в РФ). Кроме того, была осуществлена реформа прокуратуры, усилена независимость судебной власти, расширены депутатские полномочия в части контроля над деятельностью спецслужб и реформирована избирательная комиссия, так чтобы в ней была более полно представлена оппозиция.

В 2001–2009 годах ПКРМ почти соответствовала понятию «партия власти», столь характерному для всего постсоветского пространства. В руках Воронина была сосредоточена огромная власть, и не столько в силу того, что он был президентом полупарламентской республики, сколько вследствие контроля над своей собственной партией в парламенте. В течение первого президентского срока его партия полностью доминировала в законодательном собрании, обладая устойчивым конституционным большинством. Экономическая власть также была сконцентрирована в руках правящей партии. К тому же оппозиция имела ограниченный доступ к общественному телевидению, у нее

не было своих телеканалов, а государственные учреждения были чрезмерно политизированы, то есть поддерживали политическую программу доминирующей партии. Да и вообще оппозиция была раздроблена и представляла собой пеструю смесь мелких партий, большинство которых дискредитировали себя связями с не очень популярными правительствами 1990-х.

Тем не менее, несмотря на очевидные авторитарные поползновения коммунистов, Молдова сохранила высокий уровень политического плюрализма. Хотя правительство активно пользовалось административным

одновременно), завоевав две трети местных советов, в том числе в Кишиневе, где мэром был избран 29-летний Дорин Киртоакэ, представитель Либеральной партии. Трудно вообразить себе, чтобы в какой-либо другой стране СНГ столицей управляла оппозиция. Некоторые местные телевизионные станции (например, *PRO TV* и *TV7*) были независимыми в том смысле, что предоставляли и власти, и оппозиции более или менее равный доступ к эфиру. И даже государственное телевидение обеспечивало оппозиции возможность агитации и проведения ток-шоу во время избирательных кампаний.

“Против оппозиции была развязана мощная пропагандистская кампания, а налоговые органы начали расследования в отношении оппозиционных партий и газет”.

ресурсом, выборы в Молдове никогда не превращались в простую формальность. В 2001–2009 годах ситуация с выборами заметно ухудшилась, но, в отличие от некоторых других постсоветских государств, электоральный процесс все-таки не выродился в фарс. В Молдове ни разу не было анекдотичной 120-процентной явки избирателей (что служит верным признаком массового вброса бюллетеней). В ходе избирательной кампании все оппозиционные партии получали регистрацию и допускались к выборам, имели доступ к государственному телевидению и могли участвовать в дискуссиях, а также сохраняли за собой довольно много местных советов и мэрий, что давало им некоторую властную базу на местах. Оппозиция даже выиграла несколько решающих выборов. В 2006-м она победила на выборах в Гагаузии, единственном автономном территориальном образовании в составе Молдовы. В 2007 году оппозиция добилась ошеломляющей победы на местных выборах (они проводятся по всей Молдове

Однако этого было недостаточно. Коммунисты не до конца выполнили обещания, которые в 2005-м они дали оппозиционным депутатам, проголосовавшим за переизбрание президента-коммуниста в обмен на реформы. После серьезного ослабления позиций ПКРМ по итогам выборов 2007 года и по мере приближения выборов 2009-го, когда Воронин должен был уйти в отставку после пребывания у власти в течение двух президентских сроков, отношения между коммунистами и оппозицией становились все более напряженными. В 2009-м ПКРМ намеревалась реализовать сценарий передачи власти преемнику, схожий с российским. Воронин надеялся сохранить свою власть после 2009 года в качестве спикера парламента и неформально остаться лицом, принимающим ключевые решения в стране. Для этого ему нужно было назначить номинального президента из собственного окружения, который бы не представлял опасности для его политического доминирования. Но с учетом поражения коммунистов в 2007-м, выигрыш

в 2009-м отнюдь не был предрешен; поэтому все политические, экономические и административные ресурсы коммунистов были брошены на то, чтобы эту победу обеспечить. В результате избирательная кампания начала 2009 года сразу приняла вид напряженного и жесткого противоборства, чреватого расколом общества. Это была самая агрессивная кампания из всех проводившихся до тех пор в Молдове. Так, стали обычными ожесточенные нападки со стороны СМИ на оппозицию (например, утверждения, что ее представители — это «румынские агенты»), полиция регулярно запугивала местных активистов, а митинги оппозиции пытались дискредитировать с помощью провокаторов.

Кризис после выборов 2009 года

В такой обстановке обнаружение 6 апреля 2009-го предварительных результатов выборов, состоявшихся днем раньше, резко разделило общество. По результатам голосования коммунисты завоевали 49,5 проц. голосов (60 депутатов в парламенте), а три оппозиционные партии получили в общей сложности 41 место (Либеральная партия — 13,1 проц. голосов и 15 депутатов, альянс «Наша Молдова» — 9,8 и 11, Либерально-демократическая партия 12,4 проц. и 15 депутатов). Коммунистам не хватило всего одного голоса, чтобы избрать своего президента.

Десятки тысяч людей вышли на улицы, и протесты, начавшиеся вечером 6 апреля, продолжались и весь следующий день. Несколько сотен протестующих (возможно, не без участия провокаторов-подстрекателей) напали на президентский дворец и парламент, разграбив их. Власть практически не вмешивалась в происходившее, но в последующие дни ответила весьма жестко. Два или три человека погибли (точные цифры по-прежнему недоступны) якобы в полиции¹. Против оппозиции была развязана мощная пропагандистская кампания, а налоговые органы

начали расследования в отношении оппозиционных партий и газет, а также некоторых наиболее независимых НПО.

Жесткость подавления протестов подчеркнула хрупкость демократических преобразований на постсоветском пространстве и показала, насколько эффективно правительство Молдовы осуществляло постепенную, «ползучую» централизацию политической системы. Однако подавление протестов прекратилось так же быстро, как и началось. В течение нескольких дней арестованные были большей частью освобождены. К концу мая уже все арестованные были выпущены, а местные оппозиционные партии и СМИ стали еще более открыто критиковать коммунистическую партию. Яростное апрельское противоборство быстро трансформировалось в политическое противостояние в парламенте между коммунистами и оппозицией.

Несмотря на победу коммунистов на апрельских выборах, им, как уже упоминалось, недоставало одного депутата, чтобы получить в парламенте заветную цифру в 61 голос, необходимую для избрания нового президента. Более того, совершенно неожиданно для большинства наблюдателей они не смогли получить этот единственный дополнительный голос ни путем кооптации или подкупа, ни путем принуждения оппозиционных депутатов. После двух неудачных попыток избрания президента в конце мая и начале июня пришлось распустить парламент и назначить новые выборы на 29 июля 2009 года. Это был знаменательный исторический момент. Из-за протестов и репрессий, которые последовали за апрельскими выборами, политическая атмосфера настолько накалилась, а политическое противостояние настолько обострилось и поляризовалось, что сделка между коммунистами и оппозицией стала невозможной. Даже с единственным депутатом. Не помогли ни запугивания, ни подкупы.

После неудачной попытки избрать президента коммунисты получили в начале июня еще один чувствительный удар. Видный член Коммунистической партии Мариан Лупу объявил о своем выходе из партии в знак несогласия с репрессиями, имевшими место в апреле—мае, и все более явными авторитарными тенденциями в партии. Лупу был вторым номером в списке компартии на апрельских выборах 2009-го, а в 2005—2009 годах был спикером парламента от Коммунистической партии и наиболее вероятным кандидатом в президенты от компартии (до тех пор, пока коммунисты не выдвинули на этот пост премьер-министра и технократа Зинаиду Гречаную). Лупу был самым популярным членом Коммунистической партии после Владимира Воронина и вообще одним из самых популярных политиков в Молдове. Для участия в июльских выборах Лупу решил опереться на небольшую Демократическую партию.

Результаты выборов в июле 2009-го стали еще одним сюрпризом. Согласно большинству прогнозов, коммунисты должны были одержать победу с небольшим преимуществом, что привело бы к возникновению нового тупика уже в парламенте нового созыва. В реальности же выборы с небольшим преимуществом принесли победу оппозиции: коммунисты получили 44,7 проц. голосов и 48 депутатских мест, а объединенная оппозиция — 53 места (альянс «Наша Молдова» — 7,3 проц. голосов и 7 депутатов, Либеральная партия — 14,7 и 15, Либерально-демократическая партия — 16,6 и 18, Демократическая партия — 12,54 проц. и 13 депутатов). По сравнению с апрелем 2009-го коммунисты потеряли 12 мест (48 вместо 60), три либеральные партии потеряли одного депутата (40 вместо 41), а демократы Мариана Лупу получили решающие тринадцать мест (см. таблицу 1 на с. 56). Понятно, что теперь они могли определять конфигурацию будущей правящей коалиции.

2009—2011 гг.: Альянс за европейскую интеграцию

Альянс за европейскую интеграцию был сформирован в августе 2009-го из четырех партий: Либерально-демократической партии Влада Филата, Демократической партии Мариана Лупу, Либеральной партии Михая Гимпу и объединения «Наша Молдова» Серафима Урекяну. В рамках этого альянса Влад Филат стал премьер-министром, Михай Гимпу — спикером парламента, Мариан Лупу — кандидатом в президенты от Альянса. Не удивительно, что коммунисты отказались голосовать за Мариана Лупу, так что попытка избрать президента в декабре 2009 года снова провалилась.

Второй раз в 2009-м ни одной из партий или коалиций не удалось набрать необходимое число голосов для избрания президента. Это более, чем когда-либо раньше, обострило проблему порога в 61 голос. В теории столь высокий «проходной балл» был установлен для того, чтобы побуждать стороны к компромиссу в пользу нейтрального кандидата, приемлемого для всех политических групп и общества в целом. Но на практике из-за острых разногласий и бескомпромиссности, царящей в молдавской политике, порог в 61 голос стал непреодолимым барьером для избрания президента.

Провал кандидатуры Лупу на пост президента означал, что в конце 2010 года должен был состояться еще один раунд досрочных выборов (в соответствии с конституцией в течение года можно проводить только один тур досрочных выборов), а пока исполняющим обязанности президента становится спикер парламента Михай Гимпу. На протяжении большей части 2010-го альянс существовал в режиме предвыборной кампании. Четыре вышеназванные партии были партнерами по коалиции, но при этом они сознавали, что, будучи политическими соперниками, в избирательной кампании де-факто

борются между собой. Несмотря на политическую напряженность в отношениях между партиями коалиции, управление страной осуществлялось сравнительно качественно: экономика стабилизировалась, ВВП после падения на 6,5 проц. в 2009-м в следующем году увеличился на 7 проц.; были начаты и некоторые реформы.

Наиболее существенные изменения произошли в демократической сфере. ПКРМ утратила квазимонополию на власть. Но при этом власть не была монополизирована Альянсом, поскольку в нем действует система

дельцев, однако на ранних этапах подобной ангажированности не наблюдалось.

Так что всего за несколько месяцев ситуация в сфере СМИ в Молдове радикально изменилась. Понятно, что пока не все СМИ стали независимыми и «равноудаленными». Некоторые медиаресурсы поддерживают те или иные политические партии (так, у ПКРМ есть свой, прокоммунистический канал), тогда как другие вполне политически нейтральны. Отметим, что этот большой успех в 2010-м был достигнут благодаря спонтанной демократизации, то есть не в результате уси-

“В течение нескольких месяцев появились два новых новостных ТВ-канала с прямым эфиром, а другие каналы начали трансляцию политических ток-шоу и новостей”.

внутренних сдержек и противовесов (партии по коалиции частично соперничают, частично сотрудничают между собой), и ПКРМ остается крупной и важной оппозиционной силой, располагающей значительными ресурсами (средства массовой информации, финансовые средства, опытные и узнаваемые лидеры). Совершенно очевидные изменения произошли также в области СМИ. В течение нескольких месяцев появились два новых новостных ТВ-канала с прямым эфиром, а другие телевизионные каналы, ранее державшиеся в стороне от политики, начали трансляцию политических ток-шоу и новостей. Один из каналов (*Jurnal TV*) был создан молдавскими бизнесменами, а другой — румынским медиамагнатом (*Publika TV*). Каналы дистанцируются от всех политических игроков и не являются рупорами каких-либо партий. Хотя они скорее поддерживают Альянс, чем коммунистов, их программы открыты практически для всех политических сил. Не исключено, что через какое-то время они будут использоваться для продвижения бизнес- или политических интересов их вла-

стей правительства, а просто потому, что правительство перестало ограничивать свободу СМИ.

Вместе с тем осуществлять структурные реформы в течение этого неполного года перед надвигающимися досрочными выборами стало труднее. И если либерализация СМИ, активизация гражданского общества, становление системы сдержек и противовесов между политическими партиями — все это происходило как бы само собой, формирование других структурных основ демократии (таких как борьба с коррупцией, создание корпуса компетентных, некоррупцированных и независимых судей, реформа правоохранительных органов, в частности, полиции и разведывательных служб) шло гораздо медленнее.

Тем не менее правительство при поддержке Европейского союза инициировало реформу Министерства внутренних дел, реформу судебной системы и попыталось устранить административные препоны для бизнеса. Молдове также удалось значительно активизировать свои отношения с ЕС.

В январе 2010 года она начала переговоры с Евросоюзом о заключении Договора об ассоциированном членстве, вплотную приблизилась к началу предметного обсуждения всеобъемлющего соглашения о свободной торговле с ЕС, а также получила План действий по введению безвизового режима с Евросоюзом. Ей удалось осуществить многие из реформ, необходимых для введения безвизового режима с ЕС, в частности, перейти на выдачу исключительно биометрических паспортов, принять стратегию интегрированного пограничного контроля и др. Но отношения с Россией, к сожалению, не изменились. Хотя лидерам Альянса (в отличие от Ющенко и Саакашвили) удалось избежать резких обострений, никакого существенного прогресса в отношениях не наблюдалось.

Несмотря на то что экономическая ситуация в 2010-м оставалась сложной, на досрочных выборах 30 ноября Альянс увеличил свое присутствие в парламенте. Либерально-демократической партии Влада Филата на этих выборах удалось более чем удвоить свою долю голосов, доведя ее до 29,4 проц. (32 депутатских места), Демократическая партия Мариана Лупу получила 12,7 проц. (15 депутатов), Либеральная партия завоевала 9,96 проц. голосов (12 депутатов), а коммунисты потеряли еще 5 проц. по сравнению с 2009 годом и довольствовались

39,3 проц. голосов (42 депутата). Тем не менее на этот раз конфигурация коалиции изначально была менее очевидной, поскольку Демократическая партия решила рассмотреть все варианты и не стала присоединяться к либеральным партиям сразу после выборов.

Около месяца Демократическая партия размышляла, с кем ей объединяться — с коммунистами или с либерально-демократическими партиями. Отчасти проблема состояла в том, что ни в том ни в другом случае 61 голос для избрания президента не набирался. Если бы Демократическая партия решила на союз с коммунистами, такая левоцентристская коалиция имела бы 57 депутатов (42+15), но если бы она решила вступить в правоцентристскую коалицию, то голосов для избрания президента все равно не хватило бы (32+12+15 = 59). После месяца колебаний, в течение которого в Кишинев приехал Сергей Нарышкин, руководитель Администрации Президента России, чтобы побудить Демократическую партию вступить в левоцентристский альянс, а министры иностранных дел Польши и Швеции посетили Молдову, чтобы, как считается, способствовать созданию правоцентристской коалиции, Демократическая партия все же решила создать правоцентристскую коалицию под названием «Альянс за европейскую интеграцию».

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2009—2010 ГОДОВ: ДОЛЯ ГОЛОСОВ (В %) И ЧИСЛО ДЕПУТАТСКИХ МЕСТ (Д/М)			
	Апр. 2009 г.	Июль 2009 г.	Нояб. 2010 г.
Коммунисты	49,5% (60 д/м)	44,7% (48 д/м)	39,3% (42 д/м)
Либерально-демократическая партия	12,4% (15 д/м)	16,6% (18 д/м)	29,4% (32 д/м)
Демократическая партия	Ниже электорального порога	12,54% (13 д/м)	12,7% (15 д/м)
Либеральная партия	13,1% (15 д/м)	14,7% (15 д/м)	9,96% (12 д/м)
Альянс «Наша Молдова»	9,8% (11 д/м)	7,3% (7 д/м)	Ниже электорального порога
Процент явки	57,55%	58,77%	63,37%

Коалиция предполагала, что Влад Филат сохранит пост премьер-министра, а Мариан Лупу сначала станет спикером парламента, а потом кандидатом в президенты. На момент подписания соглашения (в мае 2011-го) было не ясно, сможет ли альянс получить необходимые ему два голоса коммунистов, чтобы избрать президента, то есть риск того, что это сделать не удастся, был достаточно велик.

В целом можно сказать, что 2009–2011 годы в политическом отношении стали в Молдове самыми бурными после обретения независимости. За эти два года Молдова успела повидать доминирующую партию с авторитарными наклонностями, пытавшуюся увековечить свою власть, широкомасштабные акции протеста и авторитарную реакцию на них, вытеснение коммунистов разношерстной коалицией в результате выборов, три раунда парламентских выборов, четыре раунда неудачных выборов (в парламенте) президента, и конца политической неопределенности пока не видно. Тем не менее, несмотря на всю эту политическую кутерьму, СМИ процветали, экономика оправилась от кризиса, граждане не потеряли интерес к политике и Молдова добилась существенных внешнеполитических успехов.

Оценка хрупкого плюрализма Молдовы

В течение первых двух десятилетий самостоятельного существования Молдова оказалась, в политическом плане, устойчивее почти всех других постсоветских государств. Страна не бросалась очертя голову в революции, но и не позволяла консолидироваться жестко авторитарным режимам, как это имело место в других местах. При Воронине в Молдове не было ни консолидированного авторитаризма, ни полноценной демократии. Она как бы зависла между ними, но при этом никогда не была столь политически централизованной, как Армения, Азербайджан, Россия или Беларусь.

Такой неустойчивый плюрализм был обусловлен как внутренними, так и внешними причинами. Молдова является политически многообразным и раздробленным обществом. Около 30 проц. населения составляют национальные меньшинства (украинцы, русские, гагаузы и болгары), но молдавское/румынское большинство тоже расколото по самоидентификациям на три (в грубом приближении) группы, каждая из которых имеет свои политические предпочтения. Часть молдаван попросту считают себя румынами и называют свой язык румынским. Эта группа относительно мала (около 10 проц. населения), но с 1991 года достаточно устойчива. Опасность того, что она станет доминирующей и потянет Молдову в Румынию, невелика. Вторая группа — это те молдаване, которые признают, что молдавская нация существует в политическом отношении отдельно от Румынии и что Молдова должна оставаться независимым государством, но признают также, что язык в Молдове румынский. Данная категория молдаван, пожалуй, доминирует в политике, поскольку включает в себя самых активных молодых людей из образованных слоев городского населения, а также сельской интеллигенции². Эта часть жителей смотрит на Румынию примерно так же, как австрийцы смотрят на Германию, бельгийские валлоны на Францию, а бельгийские фламандцы на Нидерланды, то есть признается тот факт, что в некоторых государствах-соседах население говорит на идентичных языках. Третья категория — это молдаване, которые считают себя молдаванами, а свой язык молдавским и часто настроены антирумынски.

При таком множестве разграничений ни одна община в Молдове не обладает достаточной силой, чтобы доминировать в масштабах государства или навязать свою волю другим партиям и установить режим авторитарного правления. Если добавить ко

всему этому различные политические чаяния нацменьшинств, получится то, что Лукан Уэй назвал «плюрализмом по умолчанию»³. Другими словами, это ситуация, когда общество настолько раздроблено, что никакое правительство не может опираться на какую-либо одну доминирующую группу, чтобы установить авторитарный режим, и всем элитам приходится лавировать, вступая в самые разные и часто неустойчивые коалиции, объединяющие интересы разных групп. Поэтому любому правительству Молдовы приходится в той или иной степени балансировать между разными сообществами. В большинстве слу-

даван (возможно, до 800 тысяч, при общей численности населения 3,8 млн человек) работают за границей — примерно поровну в России и в ЕС. Денежные переводы из-за рубежа составляют около 30 проц. молдавского ВВП. Получается, что выживание населения мало зависит от государства и политической власти. Кроме того, в Молдове нет по-настоящему крупного бизнеса и естественных монополий, контроль над которыми обеспечивал бы какой-то небольшой группе контроль над всей страной. Единственным серьезным исключением является компания «Молдовагаз», 50 проц.+1 акция которой с

“В Молдове существование сепаратистского конфликта не является ни питательной средой, ни оправданием для политической централизации”.

чаев правительствам приходится действовать эклектично, заигрывая не менее чем с двумя группами, что де-факто обеспечивает какой-то контроль исполнительной власти. Такая ситуация благоприятна для плюрализма, но одновременно она препятствует образованию сильной коалиции в поддержку реформ. Любым реформистским группам в правительстве обычно приходилось бороться с антиреформистами. Поэтому Молдова занимает сравнительно высокие места в рейтингах демократии и сравнительно низкие — в рейтингах делового климата и уровня коррупции (см. таблицу 2 на с. 59).

Молдова — довольно бедная страна, но в политическом отношении это обеспечивает ей преимущества благодаря значительной дисперсии экономической власти. Ее граждане просто вынуждены полагаться на самих себя. В отличие от Украины или России с их более богатой, но и более концентрированной экономикой, в Молдове мало промышленных предприятий; это страна по преимуществу сельская. Очень много мол-

1999-го принадлежат «Газпрому». В то время как в России или на Украине небольшое число промышленно-финансовых групп (с их рабочими местами и соответствующими неофициальными патронажными сетями) контролируют огромную долю ВВП, в Молдове это просто невозможно. Таков странный парадокс: бедность обеспечивает гражданам большую самостоятельность и независимость от государства, а государству оставляет меньше возможностей для укрепления централизованной власти.

В такой среде «захват государства» принимает иные формы, нежели в других постсоветских государствах, богатых ресурсами. Государственные учреждения могут захватываться с целью создания бизнеса или получения политических преимуществ и преследования конкурентов в бизнесе, но само государство имеет меньше ресурсов для кооптации или подчинения значительной части населения, чем в России или в Азербайджане. Обеспечить политический контроль над бизнесом в таких условиях невозможно.

Таблица 2

ИНДЕКСЫ И РЕЙТИНГИ			
<i>Economist</i> , 2010 г.: индекс демократичности	Всемирный банк, 2010 г.: (<i>Doing business</i> : стоимость ведения бизнеса)	«Репортеры без границ», 2010 г. (индекс свободы СМИ)	<i>Transparency International</i> , 2010 г.: индекс восприятия коррупции
65. Молдова и Сербия	13. Грузия	75. Молдова	68. Грузия
67. Украина	36. Македония	80. Албания	69. Черногория
68. Черногория	44. Армения	85. Сербия	78. Сербия
73. Македония	47. Кыргызстан	99. Грузия	87. Албания
84. Албания	55. Азербайджан	101. Армения	105. Казахстан
103. Грузия	64. Беларусь	105. Черногория	105. Молдова
106. Кыргызстан	65. Черногория	115. Таджикистан	123. Армения
107. Россия	74. Казахстан	131. Украина	127. Беларусь
109. Армения	81. Албания	140. Россия	134. Азербайджан
130. Беларусь	87. Молдова	152. Азербайджан	134. Украина
132. Казахстан	90. Сербия	154. Беларусь	154. Россия
135. Азербайджан	116. Россия	169. Кыргызстан	154. Узбекистан
149. Таджикистан	147. Украина	162. Казахстан	164. Кыргызстан
164. Узбекистан	149. Таджикистан	163. Узбекистан	172. Туркменистан
165. Туркменистан	150. Узбекистан	176. Туркменистан	172. Узбекистан

В результате в большинстве рейтингов демократичности Молдова оказывается гораздо ближе к балканским, нежели к постсоветским государствам.

Как ни странно, сепаратистский конфликт в Приднестровье не оказал существенного влияния на качество демократии в Молдове. Такие конфликты часто используются для мобилизации общества и оправдания чрезвычайных режимов правления. Подобную тактику в разной степени и в разное время использовали Армения, Азербайджан, Россия и Грузия. Но приднестровский конфликт не привел к появлению политика-популиста, поднявшего знамя национального воссоединения и маргинализации оппозиции внутри страны, борьбы против внутренних и внешних врагов или милитаризации и радикализации общества. Молдавские избиратели в большинстве своем безразличны к приднестровской проблеме. Только два

процента населения считают, что проблема Приднестровья должна быть приоритетом номер один, и только 10 проц. включают Приднестровье в тройку главных приоритетов⁴. Для сравнения: в Азербайджане Нагорный Карабах является главным приоритетом примерно для 53 проц. населения⁵. В Молдове же в большинстве опросов общественного мнения приднестровский конфликт занимает 8–10 место в списке приоритетов.

Поэтому в отличие от большинства других постсоветских стран, сталкивающихся с проблемами сепаратизма, в Молдове существование сепаратистского конфликта не является ни питательной средой, ни оправданием для политической централизации. Отстраненность населения от приднестровской проблемы в Молдове объясняется, в частности, тем, что в стране (в противоположность ситуации, существую-

щей в Азербайджане и Грузии) нет огромного числа внутренних перемещенных лиц. Кроме того, в Молдове нет и тяжелых последствий конфликта, таких как масштабные теракты (в отличие от последствий чеченских войн и связанных с ними проблем Северного Кавказа), а сам конфликт не представляет собой видимой угрозы для существования государства (в отличие, скажем, от Армении). В избирательных циклах 2009–2011 годов проблема Приднестровья тоже играла лишь второстепенную роль.

Возможно, в еще большей мере сравнительно высокий уровень политического плюрализма в Молдове объясняется внешними факторами. Пространство внешнеполитического маневра у Молдовы достаточно узкое — как по внешним, так и по внутренним причинам. Поэтому ее руководству всегда было трудно игнорировать свои международные обязательства по отношению к таким организациям, как Европейский союз или Совет Европы. Слишком сильно эта страна зависит от иностранной помощи. Она не имеет многих ресурсов, благодаря которым другие государства СНГ обладают более широким пространством для внешнеполитического маневра. Сама по себе Молдова невелика, у нее нет природных ресурсов, которыми располагают Казахстан, Азербайджан или Туркменистан, она не занимает такого геостратегического положения, как Украина или Грузия, не имеет финансовой и политической поддержки, какую обеспечивает Армении армянская диаспора, и у нее нет возможности маневрировать между США, Китаем и Россией, как это сейчас делают страны Центральной Азии.

Таким образом, как государство, Молдова настолько слаба и бедна, что во многих жизненно важных аспектах она поневоле сильно зависит от международной помощи. Просьбы к МВФ о макроэкономической помощи и переговоры о доступе на рынки и о получении грантов от ЕС обеспечивают

международному сообществу более мощные рычаги влияния на Молдову, чем на такие государства, как Украина или Азербайджан, не говоря уже о России. Молдова также постоянно нуждается в поддержке и России, и ЕС, и США для урегулирования конфликта в Приднестровье. И именно (но лишь отчасти) из-за этих внешних факторов Молдова не может так просто ввести у себя авторитарное правление. В этом отношении все молдавские правительства, включая коммунистов, всегда были вынуждены вести себя более осторожно и сбалансированно по сравнению с большинством других постсоветских правительств.

Связи с ЕС также укрепляют эти тенденции. В таких вопросах, как внешняя торговля, общественное мнение, внешнеполитическая и географическая ориентация, денежные переводы, Молдова была и остается страной, наиболее подверженной влиянию Европейского союза из всех стран СНГ. Уровень поддержки вступления в ЕС здесь самый высокий среди стран СНГ⁶ (хотя в Грузии выше уровень поддержки вступления в НАТО и в ЕС, вместе взятые). Молдова не имеет общей границы с Россией, но имеет таковую с ЕС. Более 50 проц. ее внешней торговли приходится на Евросоюз (из других стран СНГ только Россия может сравниться с ней по этому показателю), а на Россию всего около 17 процентов⁷.

Европейская интеграция также является в Молдове неоспоримым внешнеполитическим ориентиром для большинства социальных групп. Вступление в ЕС поддерживает 72 проц. населения страны, и оно является безусловным приоритетом внешней политики Молдовы⁸. Все правительства Молдовы, включая коммунистические, объявляли европейскую интеграцию главной целью своей внешней политики. Желание и возможности осуществить реформы, необходимые для вступления страны в ЕС, у них различались, но

вместе с тем существовал и очевидный широкий консенсус в отношении интеграции в ЕС как долговременной цели. В такой обстановке концепция типа «суверенной демократии» (под каким бы названием она ни фигурировала) не может ни всерьез укорениться, ни стать хотя бы минимально популярной в Молдове.

Тем не менее европейская интеграция не рассматривается здесь в качестве антиросийского проекта. Более 50 проц. населения Молдовы при этом считает, что Россия должна быть ее ключевым стратегическим партнером. Теплые чувства, которые Молдова питает к ЕС, не сопровождаются антиросийскими настроениями. В этом плане отношение политиков и общества Молдовы к России скорее дружественное, примерное такое же, как в дружественных к России государствах ЕС – Болгарии и Словакии (в отличие от стран Балтии или Польши). Дружественное отношение общественности к России полезно также и тем, что препятствует формированию образа внешнего врага и помогает

сглаживать межэтнические отношения в Молдове. А это, в свою очередь, способствует сохранению плюрализма политической системы.

В последние два десятилетия Молдова стала одним из самых плюралистических государств на территории бывшего Советского Союза. Конечно, демократия здесь еще не утвердилась в полной мере, и политика остается нестабильной. Однако политикам Молдовы удалось избежать эксцессов как авторитарных, так и революционных. Если говорить о компонентах демократии в СНГ, Молдова сумела справиться со многими проблемами. Здесь осуществляется регулярная передача власти по результатам выборов, существуют разнообразные и свободные СМИ и децентрализованная экономическая система. Определенную положительную роль в переходе Молдовы на путь более демократического развития играют ее социальная раздробленность и зависимость от внешних субъектов. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Protests in Moldova and Georgia // Economist. 2009. Apr. 16 (http://www.economist.com/node/13497056?story_id=13497056); Moldovan Police Face Brutality Allegations (<http://news.bbc.co.uk/2/hi/Europe/8007428.stm>).

² Хотя каких-либо социологических данных на этот счет не имеется, данная группа «продвинутых» молдаван составляет примерно 25–30 проц. населения и в основном голосует за Либерально-демократическую и частично Демократическую партии.

³ Lucan A. Way. Pluralism by Default in Moldova // Journal of Democracy. Vol. 13. No. 4. 2002. P. 127–141.

⁴ Institute for Public Policy, Public Opinion Barometer. Oct. 2008.

⁵ Azerbaijan in 2007: Sociological Monitoring, Azerbaijan/Baku: Friedrich-Ebert-Foundation, Brussels, 2008.

⁶ См.: Popescu N., Wilson A. The Limits of Enlargement: European and Russian Power in the Troubled Neighbourhood / ECFR Policy Report. 2009. P. 28.

⁷ В 2007 году на долю ЕС приходилось 50,6 проц. молдавского экспорта и 45,6 проц. импорта; для сравнения: на долю России приходится 17,3 проц. экспорта и 13,5 проц. импорта.

⁸ Institute for Public Policy, Public Opinion Barometer, Mar. 2009 (www.ipp.md).